

Научная статья
УДК 159.922.63
DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-71-82

ЖИЗНЕННАЯ УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА В КОНТЕКСТЕ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Надеина О. В.* , Блинова Е. Е.

Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор: e-mail: nadeina@my.com*

Поступила в редакцию 10.11.2025

После доработки 25.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Аннотация

Цель. Выявить роль внутренних ресурсов личности (жизненная удовлетворённость, временная перспектива), семейной поддержки и социальной активности в формировании установки на активное долголетие у лиц пожилого возраста.

Процедура и методы. Проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 109 респондентов в возрасте 55–85 лет, преимущественно женщины. Использовались: «Индекс жизненной удовлетворённости» Б. Ньюгартен (адаптация Н. В. Паниной), «Опросник временных перспектив» ZТPI Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой), «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» MSPSS Г. Зимета (адаптация К. А. Чистопольской, С. Н. Ениколопова), авторская социально-демографическая анкета. Статистический анализ включал корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, множественный регрессионный анализ.

Результаты. Выявлен высокий уровень жизненной удовлетворённости, доминирование позитивного восприятия прошлого, высокая оценка поддержки со стороны друзей и семьи. Однако семейная и дружеская поддержка не являются значимыми предикторами жизненной удовлетворённости. Обнаружена парадоксальная отрицательная связь между поддержкой значимых других и индексом жизненной удовлетворённости. Результаты авторской анкеты показали, что 79,8% респондентов поддерживают регулярное общение с близкими, 94,5% оценивают своё здоровье как удовлетворительное или хорошее. Значимыми другими для респондентов выступают романтические партнёры, наставники, учителя, психологи, тренеры и другие лица, воспринимаемые как особенно важные. Специфика выборки (значительная доля вдовствующих – 33,9%, проживающих отдельно – 48,6%) может объяснять низкую оценку поддержки со стороны значимых других ($M=3,75$), поскольку для многих респондентов эта категория ассоциируется с утраченным партнёром.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость: результаты расширяют представления о роли внутренних ресурсов личности в формировании установки на активное долголетие. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в разработке программ психологического сопровождения пожилых людей с акцентом на развитие автономии и внутренней мотивации, а не только на внешнюю социальную поддержку.

Ключевые слова: активное долголетие, временная перспектива, жизненная удовлетворённость, пожилой возраст, семейная поддержка, социальная активность, социальная поддержка

Для цитирования: Надеина О. В., Блинова Е. Е. Жизненная удовлетворённость и социальная поддержка в контексте активного долголетия пожилых людей // Психологические науки. 2026. № 1. С. 71–82. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-71-82>

Original research article

LIFE SATISFACTION AND SOCIAL SUPPORT IN THE CONTEXT OF ACTIVE LONGEVITY OF ELDERLY PEOPLE

O. Nadeina*, E. Blinova

Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: nadeina@my.com*

Received by the editorial office 10.11.2025

Revised by the author 25.11.2025

Accepted for publication 27.11.2025

Abstract

Aim. To identify the role of internal personality resources (life satisfaction, time perspective), family support, and social activity in forming attitudes towards active longevity of the elderly.

Methodology. An empirical study was conducted involving 109 respondents aged 55–85 years, mostly women. The following instruments were used: “Life Satisfaction Index” by B. Neugarten (adapted by N. V. Panina), “Zimbardo Time Perspective Inventory,” ZTPI (adapted by A. Syrtsova), “Multidimensional Scale of Perceived Social Support,” MSPSS by G. Zimet (adapted by K. A. Chistopolskaya, S. N. Enikolopov), and the authors-developed socio-demographic questionnaire. Statistical analysis included correlation analysis, student’s t-test, and multiple regression analysis.

Results. A high level of life satisfaction was revealed, the dominance of a positive perception of the past, and a high assessment of support from friends and family. However, family and friendly support are not significant predictors of life satisfaction. A paradoxical negative relationship was found between the support of significant others and the life satisfaction index. The author-developed questionnaire results showed that 79.8% of respondents maintain regular communication with loved ones, and 94.5% assess their health as satisfactory or good. Other significant predictors for respondents include romantic partners, mentors, teachers, psychologists, coaches, and other individuals perceived as particularly important. The specificity of the sample (a significant proportion of widowed individuals – 33.9%, living separately – 48.6%) may explain the low assessment of support from significant others ($M=3.75$), as for many respondents this category is associated with a lost partner.

Research implications. The results expand the understanding of the role of internal resources of the individual in the formation of attitudes towards active longevity. The practical significance is determined by the possibility of using the results in the development of psychological support programs for the elderly with an emphasis on the development of autonomy and internal motivation, and not just external social support.

Keywords: active longevity, time perspective, life satisfaction, old age, family support, social activity, social support

For citation: Nadeina, O. V. & Blinova, E. E. (2026). Life Satisfaction and Social Support in the Context of Active Longevity of Elderly People. In: *Psychological Sciences*, 1, 71–82. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-71-82>

ВВЕДЕНИЕ

Демографическое старение населения становится глобальной реальностью: по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2050 г. количество людей старше 60 лет достигнет двух миллиардов [1]. В этих условиях проблема активного долголетия приобретает особую актуальность для геронтопсихологии и социальной политики.

Концепция активного долголетия, принятая ВОЗ в 2002 г., определяется как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [2]. Она акцентирует внимание не только на медицинских аспектах, но и на психологических и социальных факторах благополучия. Современные исследования подчёркивают, что успешное старение определяется взаимодействием внутренних (мотивация, самовосприятие, установки) и внешних (социальная поддержка, активность, доступ к ресурсам) детерминант [3; 4; 5].

Семейная поддержка традиционно рассматривается как ключевой ресурс психологического благополучия пожилых людей [6]. Однако исследования показывают, что важно различать реальную, номинальную и иллюзорную защищённость: формальное проживание с родственниками без эмоциональной близости не гарантирует психологического комфорта¹. Социальная активность – участие в образовательных, досуговых, волонтерских инициативах – также выступает фактором, способствующим поддержанию когнитивных функций, самооценки и жизненной удовлетворённости [7].

Теория воплощения стереотипа Б. Леви объясняет, как взгляды на старение, интернализованные на протяжении жизни, влияют на здоровье и благополучие через физиологические, поведенческие и психо-

логические механизмы [8; 9]. Позитивное восприятие старости ассоциируется с более высоким уровнем когнитивного функционирования, удовлетворённости жизнью и физического здоровья.

В данном исследовании установка на активное долголетие рассматривается как компонент мотивационной сферы личности – устойчивое психологическое образование, включающее когнитивный (представления о старости как периоде активности и развития), эмоциональный (позитивное отношение к собственному старению) и поведенческий (готовность к участию в социальной, образовательной, физической активности) компоненты. Мы используем термины «установка», «мотивация к активному долголетию» и «стремление к активному долголетию» как взаимозаменяемые, поскольку все они отражают направленность личности на сохранение активной жизненной позиции в пожилом возрасте.

В рамках данного исследования установка на активное долголетие не измерялась напрямую специализированной методикой, а операционализировалась через совокупность показателей: высокий уровень жизненной удовлетворённости в сочетании с позитивным восприятием прошлого, социальной активностью и регулярными социальными контактами свидетельствует о наличии у респондентов установки на активное долголетие.

Несмотря на значительный объём исследований по отдельным аспектам, остаётся недостаточно изученной интегративная роль семейной поддержки и социальной активности как психологических детерминант, формирующих внутреннюю мотивацию к активному долголетию.

Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязей между показателями установки на активное долголетие (жизненная удовлетворённость, временная перспектива, социальная активность) и воспринимаемой социальной поддержкой у лиц пожилого возраста.

¹ Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между индикаторами установки на активное долголетие (жизненная удовлетворённость, позитивная временная перспектива) и уровнем воспринимаемой социальной поддержки (семейной, дружеской, со стороны значимых других); данные факторы выступают значимыми психологическими детерминантами, формирующими положительное отношение к старению.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 109 респондентов в возрасте от 55 до 85 лет ($M=67$), проживающих преимущественно в городских условиях. Гендерный состав: 99,1% женщин, 0,9% мужчин. Большинство респондентов имеют высшее (67,9%) или среднее профессиональное (28,4%) образование. Семейное положение: 33,9% вдовствуют, 32,1% состоят в браке, 22,0% в разводе. 92,7% имеют детей. Исследование проведено на базе Автономной некоммерческой организации в сфере просвещения и повышения качества жизни людей старшего поколения «КОМУЗА».

Поскольку специализированных русскоязычных методик для прямого измерения установки на активное долголетие не было обнаружено, мы использовали комплексный подход, операционализируя данный конструкт через совокупность показателей:

– «Индекс жизненной удовлетворённости» (Б. Ньюгартен) в адаптации Н. В. Паниной измеряет субъективное благополучие, которое, согласно концепции активного старения ВОЗ [2], является ключевым индикатором установки на активное долголетие. Высокая жизненная удовлетворённость свидетельствует о позитивном отношении к собственной жизни и старению;

– «Опросник временных перспектив» (ZTRP) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой выявляет отношение к

прошлому, настоящему и будущему. Доминирование позитивного прошлого и умеренной ориентации на будущее при низком фатализме рассматривается как показатель конструктивного отношения к старению [9];

– «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета в адаптации К. А. Чистопольской, С. Н. Ениколопова оценивает внешние ресурсы, которые, согласно теоретическим моделям, должны способствовать формированию установки на активное долголетие [5];

– авторская анкета фиксирует поведенческие индикаторы активного долголетия (частота социальных контактов, самооценка здоровья).

Таким образом, наличие установки на активное долголетие определяется по совокупности критериев: высокая жизненная удовлетворённость + позитивная временная перспектива + социальная активность (регулярные контакты, участие в проектах).

Использовались методы описательной статистики, критерии Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения, корреляционный анализ Пирсона, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, множественный линейный регрессионный анализ. Обработка данных проводилась в программах Microsoft Excel и SPSS 26.0.

Результаты исследования

Анализ частоты социальных контактов показал высокий уровень социальной активности: 79,8% респондентов поддерживают регулярное общение с близкими (друзьями и родственниками), 14,7% общаются иногда, и лишь 5,5% – крайне редко.

Самооценка здоровья характеризуется преимущественно положительными значениями: 67,9% оценивают своё здоровье как удовлетворительное, 26,6% – как хорошее, что в совокупности составляет

94,5% выборки. Лишь 3,6% респондентов отметили плохое или очень плохое состояние здоровья.

Полученные результаты свидетельствуют о высокой социальной интегрированности и относительно благополучном субъективном восприятии здоровья в исследуемой группе.

Средний показатель индекса жизненной удовлетворённости по методике «Индекс жизненной удовлетворённости» Б. Ньюгартен в адаптации Н. В. Паниной составил 34,5 балла (медиана 35), что соответствует умеренно высокому уровню. Наиболее высокие значения получены по субшкалам «положительная самооценка» ($M=6,96$) и «общий фон настроения» ($M=6,94$), наименьшие – по шкале «энтузиазм» ($M=6,8$). Разброс показателей между субшкалами минимален (0,16 балла), что свидетельствует о сбалансированности различных аспектов жизненной удовлетворённости (рис. 1).

Анализ результатов по методике «Опросник изучения временных перспектив» ЗТРИ Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой (см. рис. 2) выявил доминирование позитивного восприятия

прошлого ($M=4,0$) при умеренных показателях негативного прошлого ($M=3,2$), фаталистического настоящего ($M=3,22$), ориентации на будущее ($M=3,31$) и наименьшем значении гедонистического настоящего ($M=2,93$). Такой профиль характерен для зрелой, рефлексивной личности с конструктивным отношением к прошлому опыту и способностью к планированию без чрезмерной гедонистической направленности.

Результаты диагностики по методике «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета (см. табл. 1) показали следующее: наиболее высоко респонденты оценили поддержку со стороны друзей ($M=6,0$), затем семьи ($M=5,75$), тогда как поддержка значимых других получила существенно более низкую оценку ($M=3,75$).

Выявленные различия в оценке источников социальной поддержки требуют пояснения.

Возможные объяснения:

– специфика категории «значимые другие». В методике MSPSS эта категория включает романтических партнёров, наставников, психологов, тренеров – людей,

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты диагностики по методике «Индекс жизненной удовлетворённости», $n=109$ / Diagnostic results according to the “Life Satisfaction Index” method, $n=109$

Источник: данные авторов.

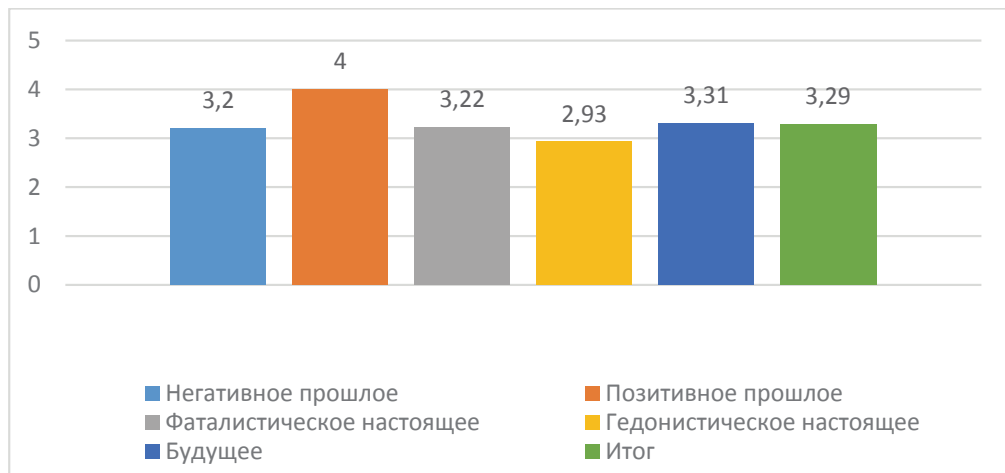

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты диагностики по методике «Опросник изучения временных перспектив» ZTPI Ф. Зимбардо, n=109 / Diagnostic results using the “Time Perspective Questionnaire method” ZTPI by F. Zimbardo, n=109

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Результаты диагностики по методике «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета / Diagnostic results using the Multidimensional Social Support Perception Scale (MSPSS) by G. Zimet

Шкала	Среднее значение
Поддержка со стороны семьи	5,75
Поддержка со стороны друзей	6,00
Поддержка со стороны значимых других	3,75

Источник: данные авторов.

не входящих в круг семьи и друзей, но воспринимаемых как особенно важные. Для вдовствующих респондентов (33,9% выборки) значимым другим часто являлся утраченный супруг или супруга, что объясняет низкую оценку текущей поддержки из этого источника;

– компенсаторная роль дружеской поддержки. Для респондентов, проживающих отдельно (48,6%) и имеющих высокий образовательный уровень, дружеские связи, формируемые в рамках проектов типа «КОМУЗА», становятся ведущим источником эмоциональной поддержки и социальной включённости;

– относительно небольшая разница между друзьями и семьёй (всего 0,25 балла) свидетельствует о том, что оба источника оцениваются очень высоко и различие скорее количественное, чем качественное. Это указывает на благополучную ситуацию с социальной поддержкой в целом.

По результатам корреляционного анализа (табл. 2) выявлены преимущественно слабые связи между исследуемыми переменными. Статистически значимой оказалась только умеренная отрицательная корреляция между индексом жизненной удовлетворённости и поддержкой

Таблица 2 / Table 2

Корреляционная матрица / Correlation matrix

	ИЖУ	PN	PP	PF	PH	FF	Семья	Друзья	Значимые другие
ИЖУ	1,00								
PN	-0,16	1,00							
PP	-0,10	0,06	1,00						
PF	-0,02	0,04	0,08	1,00					
PH	-0,01	0,21*	-0,04	-0,03	1,00				
FF	0,06	0,03	-0,13	-0,05	0,05	1,00			
Семья	-0,00	-0,03	-0,01	-0,08	-0,14	-0,08	1,00		
Друзья	0,08	-0,01	0,09	-0,06	-0,09	0,00	-0,11	1,00	
Значимые другие	-0,26*	0,14	0,05	-0,03	0,02	-0,06	-0,11	0,02	1,00

Примечание: * – $p < 0,05$, ИЖУ – индекс жизненной удовлетворённости, PN – негативное прошлое (методика ZPTI); PP – позитивное прошлое (методика ZPTI); PF – фаталистическое настоящее (методика ZPTI); PH – гедонистическое настоящее (методика ZPTI); FF – будущее (методика ZPTI).

Источник: данные авторов.

со стороны значимых других ($r = -0,26$, $p < 0,05$). Семейная ($r = -0,00$) и дружеская ($r = 0,08$) поддержка практически не коррелируют с жизненной удовлетворённостью. Компоненты временной перспективы также демонстрируют слабые связи с индексом жизненной удовлетворённости ($|r| < 0,16$).

Несмотря на то что наиболее высоко оценена дружеская поддержка, статистически значимая корреляция с жизненной удовлетворённостью выявлена только для значимых других ($r = -0,26$, $p < 0,05$). Это парадоксальный результат, который мы объясняем обратной каузальностью: не поддержка значимых других снижает удовлетворённость, а низкая удовлетворённость (связанная с утратой партнёра,

одиночеством) заставляет респондентов активнее искать и переоценивать значимость этого источника поддержки.

Результаты множественного регрессионного анализа представлены в таблице 3. При введении трёх источников социальной поддержки в качестве предикторов жизненной удовлетворённости единственным статистически значимым оказался фактор «поддержка значимых других» ($\beta = -1,36$; $SE = 0,517$; $t = -2,63$; $p = 0,01$). Семейная ($\beta = 0,039$; $p = 0,941$) и дружеская ($\beta = 0,483$; $p = 0,380$) поддержка не внесли значимого вклада в регрессионную модель.

Для сравнительного анализа по уровню семейной поддержки выборка была разделена на две группы: с высокой ($n = 55$)

Таблица 3 / Table 3

Результаты множественного регрессионного анализа / Results of multiple regression analysis

Предиктор	Коэффициент	Ст. ошибка	t	p-value
Семья	0,039	0,534	0,074	0,941
Друзья	0,483	0,548	0,882	0,380
Значимые другие	-1,360	0,517	-2,630	0,010
Константа	39,318	5,487	7,166	<0,001

Источник: данные авторов.

и низкой ($n=54$) семейной поддержкой. Сравнение по t -критерию Стьюдента не выявило статистически значимых различий в уровне социальной активности между группами ($p=0,98$), что указывает на отсутствие прямой связи между воспринимаемой семейной поддержкой и социальным поведением в данной выборке.

Обсуждение результатов

Выдвинутая гипотеза не получила полного подтверждения. Хотя индикаторы установки на активное долголетие выражены в выборке (высокая жизненная удовлетворённость, позитивное восприятие прошлого, социальная активность), не выявлено ожидаемой взаимосвязи между семейной поддержкой, социальной активностью и психологическим благополучием.

Наиболее значимым является выявление отрицательной связи между поддержкой значимых других и жизненной удовлетворённостью. Это противоречит традиционным представлениям о социальной поддержке как безусловно позитивном ресурсе [6; 13]. Возможны несколько объяснений:

– обратная каузальность: люди с более низкой жизненной удовлетворённостью активнее ищут и выше оценивают поддержку со стороны значимых других, используя эти отношения как компенсаторный механизм;

– психологическая зависимость: высокая потребность в поддержке может отражать недостаточную автономию, что само по себе снижает субъективное благополучие [14];

– специфика выборки: для вдовствующих респондентов (треть выборки) категория «значимые другие» может ассоциироваться с утратой партнёра, что объясняет низкую оценку этого источника поддержки и его связь с неудовлетворённостью. Как показали результаты анкетирования, 33,9% респондентов являются вдовами/вдовцами, 48,6% проживают отдельно. Для многих из них зна-

чимый другой – это утраченный супруг или супруга, что создаёт эмоциональный дефицит и снижает общую жизненную удовлетворённость.

Нулевая корреляция между семейной поддержкой и жизненной удовлетворённостью может объясняться «эффектом потолка»: высокие базовые показатели поддержки ($M=5,75$ из 7) ограничивают вариативность и затрудняют выявление линейных зависимостей. Кроме того, качественные характеристики семейных отношений (автономия и гиперопека, эмоциональная близость и формальное взаимодействие) могут играть большую роль, чем количественные показатели воспринимаемой поддержки.

Результаты указывают на доминирование внутренних психологических факторов (позитивное восприятие прошлого, высокая самооценка, эмоциональная устойчивость) над внешними (социальная поддержка) в формировании жизненной удовлетворённости. Это согласуется с исследованиями А. И. Басова [15], А. Е. Корнайт и соавторов [16], подчёркивающими значимость личностной автономии, самодетерминации и конструктивных копинг-стратегий для успешного старения.

Отсутствие связи между уровнем семейной поддержки и социальной активностью ($p=0,98$) свидетельствует о том, что участие в социальных инициативах мотивируется другими факторами: личностными интересами, потребностью в самореализации, принадлежности к обществу по интересам. Для образованных пожилых женщин, составивших основу выборки, дружеские связи и участие в просветительских проектах могут быть более значимыми, чем семейные обязательства [7].

Ограничения исследования. Гендерный перекос выборки (99,1% женщин), высокий образовательный уровень и вовлечённость участников в социально-образовательные проекты ограничивают возможность генерализации результа-

тов на всю популяцию пожилых людей. Корреляционный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи. Необходимы лонгитюдные исследования для прояснения направления выявленных зависимостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что респонденты обладают установкой на активное долголетие, о чём свидетельствует совокупность показателей: высокая жизненная удовлетворённость ($M=34,5$ балла), доминирование позитивного восприятия прошлого ($M=4,0$), высокая социальная активность (79,8% регулярных социальных контактов, участие в проектах активного долголетия). Операционализация установки на активное долголетие через жизненную удовлетворённость, временную перспективу и социальную активность позволила выявить, что данная установка определяется преимущественно внутренними ресурсами личности (позитивным восприятием прошлого, высокой самооценкой, эмоциональной устойчивостью) в большей степени, чем внешними факторами социальной поддержки.

Парадоксальная отрицательная связь между поддержкой значимых других и жизненной удовлетворённостью требует дальнейшего изучения с учётом направленности каузальности, психологической зависимости и специфики жизненной ситуации респондентов. Анализ социально-демографических данных показал, что низкая оценка поддержки значимых других ($M=3,75$) связана с высокой долей вдовствующих (33,9%) и проживающих отдельно (48,6%) респондентов, для которых эта категория ассоциируется с утраченным партнёром. Результаты подчёркивают необходимость пересмотра

традиционных представлений о социальной поддержке как универсальном ресурсе: не количество поддержки, а её качество, автономия и соответствие потребностям личности определяют её влияние на благополучие.

Отсутствие прямого измерения установки на активное долголетие является ограничением данного исследования. В дальнейшем целесообразна разработка или адаптация специализированного инструментария для оценки установки на активное долголетие, включающего все три компонента: когнитивный (представления об активном старении), эмоциональный (отношение к собственному старению) и поведенческий (конкретные действия по поддержанию активности). В данном исследовании мы опирались на косвенные индикаторы, что позволило получить предварительные данные о взаимосвязях, но требует дальнейшей верификации.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании приоритета развития внутренних ресурсов личности (автономии, самоэффективности, конструктивного отношения к прошлому) в программах психологического сопровождения пожилых людей. Работа с временной перспективой, укрепление позитивной идентичности и поддержка самостоятельности могут оказаться более эффективными стратегиями формирования установки на активное долголетие, чем акцент на увеличении внешней социальной поддержки.

В дальнейших исследованиях следует включать более репрезентативные выборки, качественные методы для изучения субъективного опыта социальной поддержки и лонгитюдные дизайны для установления причинно-следственных связей между исследуемыми переменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Е. Ю., Соловьев А. Г. План Декады здорового старения 2020–2030 Всемирной организации здравоохранения: обзор концепций политики в контексте развития геронтологии // Экология человека. 2023. Т. 30. № 7. С. 499–508. DOI: 10.17816/humeco568625.

2. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2171.
3. Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 88–99.
4. Ермолаева М. В., Лубовский Д. В. К проблеме психологической поддержки пожилого человека в период возрастного кризиса // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 4 (37). С. 87–94.
5. Новикова А. С. Современные вызовы в геронтопсихологии или новый взгляд на старение // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 7-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 24–25 марта 2023 года) / отв. ред. В. В. Константинов / М.: Перо, 2023. С. 244–251.
6. Мустаева Ф. А., Сизоненко З. Л., Юлдашева О. Н. Исследование роли семьи в жизни пожилого человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18, № 10. С. 143–147.
7. Сулова Т. Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307.
8. Longevity increased by positive self-perceptions of aging / B. R. Levy, M. D. Slade, S. R. Kunkel, S. V. Kasl // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83. № 2. P. 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261.
9. Надеина О. В. Социально-экологические детерминанты и психологические механизмы взглядов на старение // Социальные и психологические ресурсы развития личности: материалы Международной научно-практической конференции (Скадовск, 27–28 марта 2025 года). Симферополь: Ариал, 2025. С. 88–93.
10. Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворённости // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс-Культура, 1993. С. 18–29.
11. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
12. Обновлённая версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки / К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов, Е. Л. Николаев, Г. И. Семикин, С. А. Чубина, С. Н. Озоль, С. Э. Дровосеков // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Международной учебно-методической онлайн-конференции (Чебоксары, 29 октября 2020 г.). Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2020. С. 323–326.
13. Нерушай А. И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогика. Психология. Образование. 2021. № 1. С. 128–141. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-128-141.
14. Лубовский Д. В. К проблеме внутренней позиции личности в период кризиса пожилого возраста и роли самоотношения и самодетерминации в её формировании // Мир психологии. 2015. №3 (83). С. 79–85.
15. Басов И. А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 5–14.
16. Kornadt A. E., Hess T. M., Rothermund K. Domain-specific views on aging and preparation for age-related changes – Development and validation of three brief scales // The Journals of Gerontology: Series B. 2020. Vol. 75. № 2. P. 303–313. DOI: 10.1093/geronb/gby055.

REFERENCES

1. Golubeva, E. Yu. & Soloviev, A. G. (2023). Plan for the World Health Organization Decade of Healthy Ageing in 2020–2030: A Review of Policy Concepts in the Context of Gerontology Development. In: *Human Ecology*, 30, 7, 499–508 (in Russ.). DOI: 10.17816/humeco568625.
2. Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. & Natsun, L. N. (2023). Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. In: *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1 (173), 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2171 (in Russ.).

3. Antsyferova, L. I. (1996). Late Human Life: Types of Aging and Possibilities of Progressive Personality Development. In: *Psychological Journal*, 17, 6, 88–99 (in Russ.).
4. Ermolaeva, M. V. & Lubovsky, D. V. (2015). On the Problem of Psychological Support for Elderly People During the Age Crisis. In: *Actual Problems of Psychological Knowledge*, 4 (37), 87–94 (in Russ.).
5. Novikova, A. S. (2023). Modern Challenges in Gerontopsychology or a New Look at Aging. In: *Actual Problems of Mass Consciousness Research: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Penza, March 24–25, 2023)*. Moscow: Pero publ., pp. 244–251 (in Russ.).
6. Mustaeva, F. A., Sizonenko, Z. L. & Yuldasheva, O. N. (2016). A Study of the Role of Family in the Life of an Elderly Person. In: *Health and Education in the 21st Century*, 18, 10, 143–147 (in Russ.).
7. Suslova, T. F. (2017). Social Activity of an Individual as a Determinant of Positive Adaptation and a Fulfilling Life in Retirement Age. In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 6, 3, 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307 (in Russ.).
8. Levy, B. R., Slade, M. D., Kunkel, S. R. & Kasl, S. V. (2002). Longevity Increased by Positive Self-perceptions of Aging. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 83, 2, 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261.
9. Nadeina, O. V. (2025). Social and Ecological Determinants and Psychological Mechanisms of Views on Aging. In: *Social and Psychological Resources of Personality Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Skadovsk, March 27–28, 2025)*. Simferopol: Arial publ., pp. 88–93 (in Russ.).
10. Panina, N. V. (1993). Life Satisfaction Index In: *Lifeline and Other New Methods of Life Path Psychology*. Moscow: Progress-Kultura publ. (in Russ.).
11. Syrtsova, A., Sokolova, E. T. & Mitina, O. V. (2008). Adaptation of F. Zimbardo's "Personality Time Perspective Questionnaire." In: *Psychological Journal*, 29, 3, 101–109 (in Russ.).
12. Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. V., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina S. A., Ozol, S. A. & Drovosekov, S. E. (2020). An Updated Version of the MSPSS Scale as a Tool for Studying an Individual's Subjective Assessment of Perceived Social Support. In: *Higher Education in the Context of Globalization: Trends and Development Prospects: Materials of the XII International Educational and Methodological Online Conference (Cheboksary, October 29, 2020)*. Cheboksary: Chuvash University publ., pp. 323–326 (in Russ.).
13. Nerushai, A. I. (2021). Psychological Well-being of the Elderly. In: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, 1, 128–141. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-128-141 (in Russ.).
14. Lubovsky, D. V. (2015). On the Problem of the Individual's Internal Position During the Crisis of Old Age and the Role of Self-Esteem and Self-Determination in Its Formation. In: *World of Psychology*, 3 (83), 79–85 (in Russ.).
15. Basov, I. A. (2018). The Relationship Between the Meaning of Life and Subjective Well-Being in Late Age. In: *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches* 7, 5A, 5–14 (in Russ.).
16. Kornadt, A. E., Hess, T. M. & Rothermund, K. (2020). Domain-Specific Views on Aging and Preparation for Age-Related Changes – Development and Validation of Three Brief Scales. In: *The Journals of Gerontology: Series B*, 75, 2, 303–313. DOI: 10.1093/geronb/gby055.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Надеина Ольга Владимировна (г. Екатеринбург) – аспирант кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии Херсонского государственного педагогического университета (ХГПУ);

ORCID: 0009-0002-9850-2115; e-mail: nadeina@my.com

Блинова Елена Евгеньевна (г. Владимир) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности Института психологии Херсонского государственного педагогического университета (ХГПУ);

ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Nadeina (Ekaterinburg) – Postgraduate Student, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0009-0002-9850-2115; e-mail: nadeina@my.com

Elena E. Blinova (Vladimir) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru